

Роман
Матроскин

БОЙ-КОТ

Дело доверчивого
ветеринара



МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М33

Разработка серии *Ф. Барбьшева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *В. Ложкина*

Матроскин, Роман.

М33 Бой-КОТ. Дело доверчивого ветеринара / Роман Матроскин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Остросюжетный КОТектив).

ISBN 978-5-699-86866-7

Хвостатый котектив Ричард втянут в новую криминальную интригу: на главврача ветеринарной клиники Григория Вошинского совершено покушение — его пытались отравить, подкинув в чашку пакетик с ядом. Ветеринар чудом избежал смерти, но ведь преступник не найден, он по-прежнему на свободе! Сначала котектив заподозрил молодую жену Вошинского Лину, но у нее оказалось железное алиби. Ричард случайно обнаруживает на месте преступления клоч ярко-рыжей кошачьей вибриссы и приходит к выводу, которого он боялся более всего. Неужели это бессердечное преступление — дело лап представителя кошачьих? С тяжелым сердцем Ричи очерчивает круг подозреваемых: кошка Франсуаза, помогавшая Вошинскому в клинике; преисполненный благородства кот Атос; пассия Атоса Жуля; кот-мистик Левиафан; перекормленный котяра Прапор... Но зачем благородным животным понадобилось покушаться на жизнь Вошинского? Где мог перейти несчастный ветеринар дорогу коту?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86866-7

© Волков Р., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Моей маме
в день ее рождения от того,
кто не забыл ее уроки.*

Поздравляю, мама!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иногда кажется, что между взлетом и падением расстояние длиною в жизнь, тысячу морских миль или даже световых лет. Между любовью и ненавистью лежат тысячи дрянных поступков, пощечин, поцелуев, проведенных вместе ночей в дешевых отелях, на пляжах, на двуспальных кроватях с роскошными балдахинами. Между жизнью и смертью детство, отрочество, юность, пятерки, полученные в школе. Сданные или несданные экзамены в институт, провалы на работе, увольнения, повышения, переходы в другие отделы, пенсия, больница и самоличная покупка чистенького недорогого костюма. Между надеждой и отчаянием — тысячи рукописей и изданных книг, отвергнутых синопсисов и автограф-сессий в детских библиотеках.

Все это не так. Вспышка. Коротенькая вспышка длиною в удар сердца, дыхание или даже еще короче: ты просто моргнул — и все. Был счастливым — стал несчастным, был несчастным — стал счастливым, любил — теперь ненавидишь, ненавидел жизнь — теперь

любишь, а потом наоборот. Когда я писал первую книгу про своего кота Ричи (замечу, сперва она планировалась как детектив, вроде Георгия Персикова, но там откуда-то появился кот, и книга почему-то стала популярной), я находился на самом дне отчаяния — изгнанный, отвергнутый, непонятый, преданный, забытый всеми, кроме моего кота. Вторая книга «Мисс Кисс» толкала меня в водоворот необъяснимых событий, приключений, терзаний, надежд, отчаяния и безумия: я встретил женщину, которая казалась мне то богиней, то развратницей, то верной, то изменницей, а мой кот нашел кошку — Масю. Про кота я к слову, суть-то не в нем. Мы с ним оказались на выставке кошек и прошли все семь кругов ада и семь кругов рая.

Я считал себя бездарностью, халтурищиком, рабочей лошадкой, литературным негром и, наконец, автором категории С. Не поверите, но я собираюсь жениться. Хозяйка Маси меня любит, и она сказала мне, что я достоин большего, я должен бросить все это кошачье дерьмо — ну, извините, именно так и сказала, она иногда бывает грубой — и написать ту самую «нетленку», ради которой создал меня господь бог. Ту самую, которая изменит весь мир: то есть ее не просто будут читать все, кто умеет читать, она создаст новую эпоху, изменит города и цивилизации, приведет к ми-

ровой войне или даже галактической, к революции классов, полов и рас, после которой вся Земля, вся Вселенная очистится и из нее уйдут ревность и предательство, измены и угнетения, страдания и зависть.

А для того чтобы я приступил к самой главной книге в своей жизни, она вытащит меня из подвала на задворках креативного завода, где мы жили с Ричи, в маленький уютный домик в таунхаусном поселке на севере Москвы, в экологически чистом районе недалеко от МКАДа. Там она будет меня кормить вкусной домашней едой, а не пельменями, и помогать вести здоровый образ жизни. Причем, замечу, она не сказала, что отведет меня на кодирование и даже не потребовала, чтобы я совсем бросил пить или хотя бы бросил пить пиво, потому что у меня от него за последнее время немного выросло пузко. Нет, она сказала, что будет помогать вести здоровый образ жизни, вот как. И правда помогала! Мы даже бегали с ней, катались на велосипеде и плавали в речке.

Вы, наверное, запутались или решили, что я совсем спятил, потому что начал с величия поэтической и философской мысли, перешел к миру котов, а закончил отвратительной бытовухой. Нет-нет, я выпил совсем немного, мне оставили бутылку какого-то испанского вина, и я честно больше не пил. Правда, чуть

превысил свои возможности в алкоголе, когда моя любовь уехала закупать какие-то очередные корма для животных для ветеринарной клиники Вощинского, но совсем немного.

Как всегда бывает в такие моменты, меня посетила муза, священное безумие поэтов и софистов, а когда утром я проснулся на качелях возле беседки и открыл ноутбук, то снова с удивлением прочитал строки о котах. Черт возьми, как прекрасно они были написаны! Я мастерски описал наших соседей: капитана полиции Лыжина и его кота Прапора, владельца ветеринарной клиники Вощинского, его жену Лину и кошку Франсуазу, хозяина собачьего питомника Карповича, и в этом описании были удивительная стройность, яркие образы, забавные гиперболы, даже стихи. Черт, я снова начал писать стихи!

Когда я был на Кипре в городе Лимассол (об этом я тоже как-нибудь напишу), в туалете одного из баров я прочитал выражение: «Не пытайся себя обмануть: ты всегда встретишь то, чего пытаешься избежать». Именно поэтому эта повесть снова про котов. И это не «нетленка». Простите.

Роман Матроскин.

*Лето 2015 года, Подмосковье,
коттеджный поселок «Фауна».*

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой новая
большая семья оказывается
на новом большом месте

Нельзя начинать «с уже пойманных мышей».

Неприлично как-то!

Может, Шерлок где-то даже и немного Холмс, но не по Мурке шлейка... Или все же?

Ричи скосил глазом — одним, второй был в прищуре от состояния души, полной довольства или даже неги, — в сторону старинного зеркала.

Оно было огромным по кошачьим меркам, но писатель частенько останавливался перед ним, поглаживал витиватую резьбу, по полчаса разглядывал себя, принимая помпезные позы: то Хемингуэй с трубкой, то взъерошенный Стивен Кинг, то Пушкин с длинными пальцами, то Сократ с придурковатой улыбкой, а то и вообще непонятно кто — видимо, в этот момент он изображал самого себя.

— Нет, ну надо же! — фыркал Ричи, которого уже начинали раздражать самодовольные ужимки «двуногого», теперь пытающегося разглядеть себя со спины. — Чего старается? Тонус поднимает?

Он вспомнил, как соседский кот Прапор рассказывал про поднятие тонуса. И не только тонуса, потому что фанатки из-за его огненно-рыжей лохматости ему проходу не давали. Особенно в марте.

— Ты думаешь, сосед, — говорил Прапор как-то, развалившись под забором, — они стаей за мной охотятся из-за богатого меха? Другое им надо. Любят меня, глаза друг дружке готовы выцарапать. Вот это «другое» от сырого мяса!

— Что, «двуногий» кормит?

— Ага, дождешься от него! Как жена ушла, все хозяйство пошатнулось. Мыши...

— Ф-фу, моветон, — поморщился Ричард. — Помоечная еда!

— Лучше помойка, чем больничная койка! Ха! — Прапор залихватски подмигнул, продолжая сыпать армейскими прибаутками. — Пусть помои, зато «другое» готово к бою! Шерсть с блеском — это так, побочный эффект.

Стейк с кровью в качестве еды Ричи еще мог себе представить, но вонючие мыши?! А эти намеки про боевую готовность хороши для казарменных охотников за мышами. Если прекрасная Маша всегда под боком, и с ней все так, что лучше не придумаешь, — то никакие средства для повышения котинной силы ни к чему. Силу и так девать некуда!

А вот «двуногого» он совсем запустил... Любовь ему не особо помогает в форму прийти. Как же его умякнуть, чтоб мышей попробовал? Красота требует жертв. Или же стейк на углях в камине недожарить — чтоб с кровью...

Ричи с опаской глянул в сторону массивного камина из черного мрамора с малахитовой отделкой. Было дело!

К «двуногому» приехал как-то гость, у которого была в загородном имении перепелиная фермочка. Не бизнес, а так, для души и на стол. Опять же — не надо думать, что покупать, когда в гости идешь...

Ричи слышал, как он, хихикая, откровенничал:

— Понимаешь, зовут в гости часто уже из-за того, что знают: привезу яйца и перепелочков... Жирненьких, нежненьких...

И вот, «двуногим» пришло в голову этих птичек «счастья» нанизать на вертел — и в камин, за кованую решетку...

Запах, конечно, — дурман! Только увлекся «двуногий» разговором с гостем, стали гореть птицы. Синим пламенем. Ричи, разумеется, пришлось вмешаться в процесс — свалилось все в угли. Получились перепела не гриль, а «запеченные в углях». А у него самого хвост занялся, и шерсть обуглилась. Пришлось сунуть хвост в аквариум, за что ему попало, какой-то драной газетенкой из разряда «желтой прессы».

Униженный и оскорбленный, Ричи еще несколько месяцев гордо, не глядя на малахитово-мраморное сооружение, прошмыгивал мимо. А «желтую прессу» стал презирать особенно.

«А теперь, когда наш новый роман завершен, когда поставлена точка в расследовании, интересно, как я буду выглядеть рядом со своим «двуногим» на награждении элитной писательской премией?» — подумал Ричи, соскальзывая с мягкого дивана, на котором уютно устроился, упиваясь будущей славой и теплом нежного велюра болотистого оттенка. Роман, который он печатал лапами по клавиатуре «двуножьего» ноутбука, следовало бы, конечно, называть «моим», но природная скромность этого не позволяла. Хотя даже эта скромность иногда могла куда-то подеваться.

Он подошел к зеркалу и зашипел, разглядывая себя в зеркале со всех сторон.

— Н-да, мя-а-ау! Не собака, конечно, но орел! — На подоконнике сидела влетевшая невесть каким образом прямо в окно второго этажа его Муза — его Масы. От нее на расстоянии несло каким-то травянисто-цветочным запахом.

— Ты разлила духи «двуногой»? Вернется — фигурную стрижку усов тебе сделает, — улыбнулся Ричи.

— Не преувеличивай, дорогой! Всего лишь в траве повалялась. Рыбку хочешь?

— Из аквариума?

— Мяу! С ума сошел? Забыл, что ли, как плавал уже среди этих водорослей?

И парочка одновременно захихикала, вспомнив «заплыв» упавшего в аквариум Ричи.

Кот внимательно посмотрел на размякшую, нежно-счастливую Масю. За окном подозрительно жужжали пчелы, ветерок доносил пьянящие до одури запахи...

— Рыбку, говоришь? Это потом, а пока...

Ричи и Мася, не сговариваясь, понеслись в спальню писателя.

Вся обстановка кабинета была знакома до каждого сантиметра в любом углу, потому ее скучно было даже рассматривать: ну, стол, ну, ноутбук. Вот кресло... И книги, книги, книги...

А «двуногий» с утра как заведенный тарабанил по клавишам ноутбука, созидавая «нетленку». За окном ему пытался вторить дятел, но не успевал. Где-то билась в стекло муха, но так хорошо было лежать вдвоем с Масей на мягком диванчике, подставив живот солнечным лучам, что у мухи появлялись хорошие шансы дожить до вечера. Как все-таки хорошо, когда на улице лето, в белой фарфоровой тарелочке ждет вкуснейший корм, который изготовили специально для тебя, а в гу-

стой траве в саду бегают шустрые злые и такие вкусные полевки. Как хорошо быть котом! А котом Ричардом быть просто замечательно!

А ведь совсем недавно жизнь была совсем не такая паштетная.

«Если бы не я... — лениво думал Ричи, — мы с «двуногим» до сих пор прозябали бы в фабричном полуподвале, ели дешевые консервы и мечтали о большой и чистой любви».

Но стоило коту взять свою судьбу в когти, так и на конкурс красоты съездили, и мир посмотрели, и любовь обрели. Да как удачно! Если бы не конкурс, Масина «двуногая», может, и не переехала бы из своего Новосибирска, не стала бы расширять свой бизнес — производство кормов для кошек. И не было бы этого блаженного полдня.

Совсем недавно «двуногий» чуть было все не испортил. Когда Мадама (так называла Маса свою «двуногую») сказала, что собирается снимать дом в парковой зоне нового района Москвы, «двуногий» Ричарда неожиданно вспомнил о мужской гордости и заявил, что он не нахлебник, мышшь его загрызи, а добытчик, поэтому не собирается жить за счет слабой самки!

Счастье Ричарда и Маси было поставлено на кон, и Ричи снова пришлось прыгать выше своей головы и крутить хвост судьбе. Он как бы невзначай вытряхнул из тумбочки пап-

ку, которая именовалась «НЕТЛЕНКА». Слово это произносилось всегда после секундной паузы и с обязательным особым придыханием. И когда ворох макулатуры взлетел в воздух, Масина «двуногая» заявила, что Мастеру просто необходимы особые условия для создания «нетленки»!

— Это художник должен быть голодным, а писателю нужен мозг, не затуманенный поиском денег. Писать коммерческое кошачье г...но может любой дегенерат в любой помойке! А таланту нужно помогать, и я помогу, даже если кому-то что-то не нравится! А отработаешь ты... — Она грозно посмотрела в глаза «двуногому»: — Отработаешь своим величайшим романом, а также нежностью и любовью!

«Двуногий» Ричарда поворчал для вида, но согласился с вескими доводами. И вновь воцарился мир. Но уже в новом большом доме.

В этом мире все было прекрасно. Кроме одного. В бешеный перестук писателя и дятла вклинился другой звук — резкий, требовательный стук в дверь.

«Прапор...» — недовольно подумал Ричард, понимая, что не будет ему теперь ни сна, ни покоя.

— Лыжин! — с досадой воскликнул «двуногий», недовольно выбрался из-за стола и пошел открывать дверь соседу.

В дверном проеме показалась долговязая фигура Лыжина.

— Капитан Лыжин снова к вашим услугам! — заявил он с порога неожиданным басом. — Я как проснулся, слышу, ты все стучишь-стучишь-стучишь. И вчера вечером все стучал-стучал. Да чтоб я так рапорты строил, как ты свои фигурьки. Вот и подумал, что кто ж спасет человека, кроме доброго соседа!

«Двуногий» лишь моргал и пытался сообразить, что происходит, а «добрый сосед» уже протопал в гостиную, не прекращая болтать, сочувствуя, что не всем повезло с мозгами в жизни так, как ему, и что надо же кому-то и торгашеством, и писаниной заниматься.

Толстый лыжинский кот Прапор вздохнул и покачал головой:

— Приветствую, Ричард. Понимаю, мы опять не вовремя, но моего ж не остановишь. Он не со зла, а просто мозги его заняты настолько важными проблемами, что о правилах этикета думать некогда.

— Ну что ты, мой и правда заработался слишком, надо бы и встряхнуться. Кстати, Маса недавно обнаружила неплохую полянку со свежей травой. Прогуляемся?

— Почему бы и нет?

И коты, задрвав хвосты, гордо покинули дом.